

Властелина Богатова

Я не ваша, господин следователь

«Литнет»

2022

Богатова В.

Я не ваша, господин следователь / В. Богатова — «Литнет», 2022

Я была вынуждена выйти замуж по расчёту. Но мой муж неожиданно погибает. Тогда судьба сталкивает меня с одним привлекательным следователем. Я не верю в любовь. Вот только почему когда он смотрит на меня с таким интересом, внутри всё трепещет? Я должна посадить своё сердце в клетку, ведь не могу разбить жизнь сестры, которая влюблена в него.

© Богатова В., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

Вишен Лонрэйт

— Смотрите, это же Вишен Лонрэйт?

— Бесстыжая. Как только хватает наглости появляться здесь и омрачать своим присутствием праздничный вечер!

— Она ведь даже траур не сняла, а уже хочет веселиться, неслыханно.

— Бедный лорд Камрон Лонрэйт, он был в расцвете сил. Извела его и получила все его деньги, а теперь живёт свободно и веселится. Бессовестная.

— Говорят, она виновата в трагедии...

— Какой ужас!

— Да, я слышала, что это заказное убийство...

Я продолжаю двигаться по широкому, с огромными окнами коридору с гордо поднятой головой, не обращая внимания на лавину грязи в свою сторону. Испытание, надо сказать, ещё то. Но я к этому готова, привыкла за несколько месяцев после смерти мужа к жестоким сплетням.

Главное, что я знаю, зачем приехала в дворец Лидлер, где собираются в осенний период все верха высшей знати столицы. Мне нужна защита!

Я долго думала, прежде чем посетить Лидлер, взвешивая все “за” и “против”. С одной стороны, мне ещё рано посещать подобные вечера, рискуя быть осуждённой обществом, но с другой, мне важна моя жизнь, которая — я это чувствую — попала под угрозу. И в этом замешан мой муж, теперь уже покойный муж. Так случилось, что в двадцать три года я стала вдовой.

Ничего, потерплю все эти косые презрительные взгляды, что сейчас летят в мою сторону, потому что я собираюсь заняться своим делом, пусть и через такой печальный опыт, а не быть убитой друзьями моего мужа.

“Сиди на месте и не дёргайся, насмешить меня хочешь?, Твоя магия никому не нужна, тем более такая слабая”, — вспоминаю слова Камрона, произнесённые с отвращением. Он говорил так каждый раз, когда я пыталась получить от него разрешение открыть собственное дело.

Но теперь оно не понадобится. Теперь только бы выжить.

Я прохожу дальше. Приятная музыка льётся из бального зала. На миг я отвлекаюсь, вдыхая смесь потрясающих запахов разномастного порфюма и ароматов свежих букетов, которые стоят в вазах повсюду. Надо отметить, что интерьер загородного дворца выполнен изумительно. Красный бархат, позолоченная лепнина, тяжелые хрустальные люстры, свисающие с высокого потолка, белый мрамор пола и стен создают ощущение шика и богатства.

Я решаю пока не идти в главный зал и останавливаюсь у огромного, до самого пола стеклянного окна, створки которого распахнуты на широкую террасу с белыми колоннами и столиками под козырьком крыши. За террасой простирается сад с фонтанами, беседками, мостами и лужайками со статуями. А дальше утопают во влажном тумане зелёные дали.

Лидлер принадлежит лорду Глинверу, старшему сыну графа Ормана Этнора, представителя древнего рода, основавшего целый комплекс дворцовых замков в Ветенбере.

Смех отвлекает. Я делаю непринужденный вид, показывая, что занята рассматриванием пейзажа, но поглядываю в сторону проходящих мимо пар, целых семейств и просто по одиночке приехавших магов из разных провинций, решивших скоротать вечер в одном из престижных мест столицы.

Мой план таков: украсть минуту разговора с лордом Глинвером Этнором и попросить о помощи, сказать о том, что после смерти мужа за мной началась слежка. Сколько бы я ни

обращалась в полицию, никто не принимал мои слова всерьёз, меня убеждали, что это всего лишь предрассудки, ведь доказательств нет. Я поняла, что таким путём ничего не добьюсь.

И решила сменить тактику. Оказавшись здесь.

Разумеется, я бы могла всё бросить и уехать, но обязательства держат здесь, только после траура по мужу я могу что-то решать. А до того времени со мной может произойти всё что угодно.

— Вишен? — знакомый женский голос заставил вынырнуть из мыслей.

— Проклятье, только не это, — шепчу и оборачиваюсь уже с улыбкой.

Моя младшая сестра вместе с компаньонкой стоят позади. Иллин Рокснар вышла подышать свежим воздухом и обнаружила меня.

Оставив компаньонку, она торопливо приближается ко мне.

Не могу не заметить её чистой, нежной, как чайная роза, красоты. Иллин младше меня на четыре года, её внешность ярче, она обладательница копны каштановых волос и миниатюрной фигуры. Я же имею пепельные, как бледный свет луны, волосы и заурядные формы. Единственное, в чём наше сходство, это цвет глаз — серые с серебряными прожилками, гордость семейства Рокснар. Сейчас на Иллин легкое шикарное вечернее платье с волнистым шлейфом персикового цвета. Настоящая леди на выданье.

— Что ты здесь делаешь, Вишен? — спрашивает шёпотом.

— Что и все, — отвечаю я и смотрю в окно, делая глоток из бокала, который взяла с подноса лакея по пути сюда.

— Не ожидала тебя увидеть, — продолжает изумляться.

А я уже мирюсь с тем, что пора покидать дворец. Если Иллин здесь, то и родители — тоже.

— Не говори родителям обо мне, хорошо? — поправляю на её кружевной широкий рукав. — Прекрасно выглядишь.

— Не скажу, но если тебя увидят... — не обращает внимания на моё замечание сестра, берёт меня под локоть и увлекает глубже в нишу.

— Как думаешь, я могу ему понравиться? — вдруг задаёт вопрос.

— Кому? — не понимаю.

— Вишен? — обиженно надувает губки. — Ты забыла, я же тебе рассказывала!. Хочу познакомиться с Рэном Сармантом, говорят, он будет сегодня здесь. Кто знает, может, посчастливится, — хихикнула Иллин. — Вишен, перестань делать такой скучающий вид, неужели тебе не радостно за свою сестру? Между прочим, наш отец не против, если... — Иллин краснеет. — Ну ты понимаешь.

Я вздыхаю, Иллин повезло больше, чем мне, отец слышит её желания.

— Уверена, он не пропустит такую красавицу, как ты, — и это чистая правда.

— Ладно, я пойду, а то вдруг пропущу что-то, — спохватывается она, когда в дверях появляется очередная парочка.

Хотя понимаю, в чём причина спешки, — она не хочет быть рядом со мной, чтобы о ней не стали думать плохо, как обо мне. Для неё важна репутация, ведь у неё только всё начинается. Я понимаю её и не обижаюсь.

Иллин уходит, а я решаю, как мне быть теперь. Если отец увидит меня здесь, то скандала не избежать. Надо же было им именно сегодня посетить Лидлер.

Кажется, удача сегодня от меня отвернулась. Снова. Ну что ж, я привыкла. И я умею ждать. Ставлю пустой бокал на столик.

Покидаю оконную нишу и направляюсь к выходу. Зря только наряжалась, столько часов потратила, всё коту под хвост.

Спускаюсь с парадной лестницы и иду через холл, стараясь не задерживать ни на ком взгляда, но иногда приходится обмениваться приветствия с теми, кто знаком с нашим семейством, но тут же слышать позади себя шёпот.

— Что она тут делает?

— Как можно?

— Это не наше дело, милая.

— Не обращай внимания. Идём.

Но судьба из того, что может случиться этим вечером, припасла напоследок самое ужасное. Неожиданно сталкивая меня лицом к лицу с леди Лонрэйт, матерью моего погибшего мужа.

Невысокая женщина с пшеничного цвета, как и у моего покойного мужа, волосами, весьма пышными формами, затянутыми в корсаж платья, выглядит немного экстравагантно. Впрочем, она всегда так наряжалась.

Её лицо перекашивается, а напояженные губы презрительно кривятся, будто она увидела змею.

Я смотрю по сторонам, вижу, что на нас начали обращать внимание.

— Как ты посмела явиться сюда?

Набираю в грудь больше воздуха.

— Извините, леди Лонрэйт, я уже уйду, — только и отвечаю, понимая, что это самое правильное, что могу сейчас сделать.

Не дожидаясь ответа, я обхожу её и резко останавливаюсь, когда мать Камрона перехватывает меня за локоть.

— Моего сына нет и месяца в живых, а ты порочишь его память своим распутством?!

Я закатываю глаза и терплю оскорбления.

— Бессовестная дрянь.

Только напрасно: внутри меня что-то надламывается.

— А вы, мисс? — поворачиваю к ней голову. — Я вижу, вам не мешает утрата явиться сюда развлекаться?

Её глаза расширяются, лицо краснеет от гнева, того гляди и лопнет.

— Да как ты смеешь! — рычит, вонзая в мою руку свои когти.

Я резко высвобождаюсь.

— Пустите и не смейте ко мне прикасаться, — отвечаю резко и направляюсь к выходу, проносясь мимо зевак, что остановились поглазеть на устроенный Лонрэйт спектакль. Это в её манере.

Иду быстро. Сердце бьётся в груди камнем, такое чувство, что меня облили грязью.

— Признайся, Вишен, это была плохая затея, явиться сюда. Но довольно смелая попытка.

Приподнимаю подбородок и выхожу из дворца. Сбегают с порожка, вдыхая влажный туманный воздух. Осень только вступила в пору, и опустившийся холод оказался слишком ранним. Но сейчас так и хочется окунуться в белое молоко и затеряться где-нибудь.

Смотрю в ту сторону, где находятся свободные экипажи, но возвращаться домой не хочется с этим неприятным осадком. Бросаю взгляд в сторону террасы и раскинувшегося за ней сада, переходящего в луг. Поворачиваю в ту сторону.

Камрон душил меня своей грубостью и бездушием. Между нами не было чувств, всё, что было ему нужно, это моё тело и мой статус, а меня вынудил отец выйти за него.

Наша с ним жизнь напоминала холодное озеро, где не было ни тепла, ни понимания, ни тем более любви, в которую я никогда не верила, видя, как жили мои родители. Есть лишь долг и обязательства. Наверное, поэтому у нас с Камроном не было детей. Признаться, меня устраивал такой исход. От него мне никогда не хотелось детей.

Кто в этом виноват, я не знаю, его неспособность или моя? Моя лекарша уверяла, что со мной всё в порядке.

Сейчас я хочу в полной мере реализовать свой дар. Только эта мысль меня греет, это желание, которое я почти убила в себе за четыре года жизни с Камроном.

С покойным мужем мы мало посещали подобные вечера, обычно он предпочитал обходиться без меня. Сначала не понимала почему, но когда стала обнаруживать на его коже следы царапин и красных подтёков — поняла. Так я узнала, что помимо меня у него есть любовницы. С того момента и начался мой ад. Когда он затаскивал в постель, мне приходилось терпеть.

Садовая дорожка приводит меня к каменной изгороди, заросшей дикими белыми розами. Высокие кованые ворота распахнуты. Миную их и спешно иду к лугу.

Обвожу взглядом туманный горизонт, наполняю грудь лёгким чистым воздухом, смешанным с ароматом трав и сладких луговых цветов.

Прекрасное место, пожалуй, не зря приехала в Лидлер. Оказаться на живописном лугу после шумных столичных улиц с каменными многоэтажными домами — настоящий праздник.

Я даже забыла о неприятной стычке с мисс Арнэт Лонрэйт.

Неспешно иду по гравии и не замечаю, как подол платья вымок от обильной росы. Останавливаюсь прямо у старого дуба. Узловатые ветки тянутся в небо и погружаются в мутное облако тумана. Завороженно смотрю. Осенью природные магические потоки затихают, и их движение едва можно уловить.

Игривая мысль вдруг приходит мне в голову. Почему бы здесь не испытать свою магию?, Место просто идеально подходящее. И никого нет рядом. Никто не видит. Дворец остался там, за стеной тумана, виднеются лишь башни и пики крыш с маленькими оконцами.

Как же давно этого не делала!

Расправляю плечи, снимаю чёрные кружевные перчатки и растираю до жара ладони, прикрываю веки, вызывая магию в теле. Она сразу отозвается приятным теплом, сперва где-то в глубине живота, а потом мягко поднимается к груди, разливаясь по рукам ручейками. Как же приятно.

Открываю глаза и удовлетворенно улыбаюсь, глядя вниз. Ладони и пальцы покрылись лёгким изумрудным свечением.

Приближаюсь к стволу старого дерева, намереваясь влить в него немного силы.

Шелест позади заставляет вздрогнуть и резко обернуться. Судорожно осматриваюсь и делаю шаг назад, скользя взглядом по высокой траве.

Сглатываю. Здесь вполне могут водиться дикие звери, но я даже не думала, что они могут подобраться так близко к людям.

Очередной шелест заставляет уже попятиться, трава колыхнется в небольшой ложине. Наталкиваюсь спиной на ствол, прислоняюсь к нему, прижимая ладони к влажной рельефной коре. Сердце пускается в бешеный галоп, когда невидимый зверь опять ныряет в гущу тумана, демонстрируя на миг из травы огромное чёрное тело и массивную голову с острыми злобными ушами.

— Ай! — вскрикиваю и срываюсь с места, отталкиваясь от дуба, подбираю потяжелевший от влаги подол платья и со всех ног несусь прочь, рискуя угодить в какую-нибудь яму, коварно спрятавшуюся в густой траве.

Громкое рывканье оглушает, заставляет забыть обо всём и содрогнуться от страха.

Вся жизнь проносится перед глазами. Вот глупая, и зачем я сюда забрела? Опасаясь быть пойманной врагами мужа, я угождаю прямо в зубы дикого пса. Просто чудесная кончина!

Я слышу позади себя шелест и тяжелое хриплое дыхание, от которого кожа спины стынет. Отчетливое клцанье явно массивной челюсти приводит в отчаянный ужас, настолько сильный, что застилает глаза, и я не различаю корягу, о которую благополучно цепляюсь носком и падаю вперёд..

Всё, что я успеваю — выставить руки, чтобы смягчить падение, но весь удар приходится на правое колено. Только не обращаю внимание на боль, быстро закрываюсь руками, когда огромная чёрная туша с блестящей влажной шерстью и хищными жёлтыми глазами прыгает на меня.

Когтистые массивные лапы стучат по коленям, а по руке проходит горячий, шершавый, как наждачный лист, язык.

— Вайт! — зычный мужской голос, что гром среди пустоты, сотрясает воздух. — Вайт, ко мне!

Эта чёрная тяжёлая громила, к счастью, от меня отступает. Только вот всё ли со мной в порядке? Кажется, помимо царапин и ушибов я заработала себе аритмию. Хорошенькая прогулка!

Но, похоже, отделалась малой кровью. Кожа ладоней расчесана травой, на платье налипли сухие стебли и несколько комков репейника. Отдираю их, но замираю. Вспомнив о том, что у этого дикого пса есть хозяин. Стоит об этом подумать, как из тумана показывается жеребец.

— Бог ты мой! — роняю с губ и хватаюсь за скользкую траву, чтобы подняться, да не могу, нелепо путаюсь в бурьяне и в складках своего довольно тяжелого платья.

— Кого ты поймал, а ну покажи? — слышу всё тот же бас.

Едва я поднимаюсь, как громила снова толкает меня, повалив на землю. Да что ж такое?!

— Вайт, а ну не смей! Прочь! Прекрати! Прочь! — наконец хоть одна благоразумная команда.

Глава 2

Жеребец чёрной масти подходит так близко, что едва не тыкается в меня мордой с ухоженной гривой. Он явно породистой масти, судя по белым носочкам на ногах. Впрочем, не менее породистым оказывается и сам наездник — определяю по его чёрным до колен сапогам и длинным ногам, когда всадник спрыгивает на землю и в два широких шага подходит ко мне.

Пёс прыгает рядом, но не приближается, чему-то бурно радуясь, вывалив розовый язык из клыкастой пасти.

Я торопливо одёргиваю платье, которое задралось — стыд-то какой — до самой каймы чулок! Видимо, незнакомец успел что-то заметить: застопорился в помощи. Но в следующий миг мужские руки одним рывком поднимают меня с земли, да так резко, что я не успеваю найти опору и немного заваливаюсь на него, держась за ткань рукавов, краснея до кончиков ушей.

— Вам не стоило убегать, и всё было бы в порядке, — вдруг произносит спокойно он.

Внутри меня мгновенно вспыхивает возмущение. Что? Мне не стоило? Яростно отбрасываю выбившиеся из причёски влажные пряди с лица и вскидываю взгляд, приготовив пару недружелюбных слов. Но они застревают в горле горячим комом.

На меня смотрят чёрные как угли глаза молодого мужчины из-под век с бархатными тёмными ресницами, такие же чёрные брови, как разлёт орлиных крыльев, тоже совершенно бесстрастные и непредвзятые, как и идеально прямой аристократический нос и выразительной формы мужские губы, на которых мой взгляд и бестыдно задерживается. По венам вдруг кровь толкается горячее — весьма неоднозначная реакция.

— Как вы? Всё хорошо? — продолжает говорить он уже ровно.

И я моментально прихожу в себя.

— Как видите, не совсем, ваша соб... питомец напугал и испортил мне платье.

— Извините, — произносит он действительно с некоторой виной. — Не думал, что в этом диком месте могут прогуливаться молодые леди, и тем более в одиночестве.

— Да, мне так захотелось, — начала отряхивать траву с груди, вынимать из волос.

Как бы я ни пыталась держаться с достоинством, неловкость всё же обуревают меня. Как теперь возвращаться в таком виде?

— Вы маг? — последующий вопрос обескураживает.

— А что? — в ответ спрашиваю я, злясь больше теперь уже на себя, что не могу справиться с досадой.

Смотрю в сторону дворца. Неожиданно взявшийся не пойми откуда пёс — теперь я уже вижу породу ротвейлера — подпрыгивает, заставляя пошатнуться.

— Вайт, прекрати немедленно! — строго шипит хозяин на животное.

Пёс скулит и, завиляв всем туловищем, бредёт обратно в траву.

Я хмыкаю столь жалостливому виду собаки.

— Не знаю, что на него нашло, обычно он очень послушен и спокоен. Возможно, почувал в вас... вашу магию. Поэтому и спросил. Хотя ответ мне уже ясен, вы обладаете магией земли.

Раскрываю губы в растерянности. Как он узнал? Он тоже маг? Пытаюсь ощутить его ауру. Да, сильные волны исходят от него. Но моё внимание привлекает вовсе не это, а весьма неплохо сложенная фигура, широкие плечи, тугие мышцы, которые обтягивает белая рубашка. На сильной груди пуговицы жилета едва стягиваются, что говорить о его ногах, которые я уже, впрочем, оценила. Так, что-то я не о том думаю! Тряхнула головой и отвернулась.

— Вот что, — вдруг отрезает незнакомец. — Позвольте мне компенсировать это недоумение. И пригласить вас в... кафе.

Я уже хочу резко отказаться и поспешить вернуться, поскорее посетить дамскую комнату, чтобы привести себя в приемлемый вид, но с другой стороны, вдруг я опять столкнусь с кем-нибудь из родственников? И не дай Бог с отцом!

Пусть компенсирует, как только выйдем в город, сразу же сяду в первый попавшийся экипаж.

— Хорошо, — отвечаю после недолгих раздумий.

Мужчина кивает и отступает, беря под уздцы своего жеребца.

— Мой автомобиль там, — указывает хлыстом, который он всё это время держал рукой в кожаной перчатке. А где же мои перчатки? Вспоминаю о пропаже. Досадливо поджимаю губы, теперь только забыть о них, видимо, потеряла, когда убегала.

— Позвольте подсажу вас.

— Нет, я пешком, — категорически отказываюсь, вспоминая, как недавно сверкала своими ножками, второго раза не нужно, я приличная леди, обойдусь без провокаций. — Спасибо за предложение, я дойду пешком. Ноги, кажется, целы, — добавляю уже вежливее, вспоминая правила приличия.

Делаю шаг, но охаю, когда мужские руки вдруг ловят и подхватывают за талию, с лёгкостью отрывают от земли, а я плюхаюсь прямо на седло.

— Держитесь, — говорит незнакомец и выпускает, как ни в чём не бывало. Снова берёт жеребца под уздцы. — Здесь очень сыро, пока дойдём до дороги, вымокнете и простудитесь, — проводит по загривку жеребца с такой заботой, что невольно досадно. Отступает по траве. — Вайт, вперёд, — не забывает о животном.

А я смотрю на его спину и макушку с чёрными волосами.

Я старалась не смотреть на него, но взгляд то и дело возвращался к мужчине. Я не встречала его ни разу в светском обществе, но по элегантности и манерам видно, что аристократ.

Один из лордов столицы? Который предпочёл ездовую прогулку шикарному вечеру среди свиты. Любопытные предпочтения. Навскидку ему около двадцати семи, а может, и чуточку больше. Чем дольше я думала о его персоне, тем больше назревало вопросов. Ненужных вопросов.

“Хочу сейчас одного — поскорее оказаться дома”.

Мы выходим на накатанную дорогу. Тут и в самом деле стоят автомобиль чёрного цвета и двое мужчин, один из них точно водитель, а другой лакей, который тут же направляется встречать своего господина.

Я успеваю соскользнуть с седла прежде, чем меня подхватили бы руки брюнета. Не нужно мне этих всех прикосновений, от которых как-то волнительно.

Мужчина лишь вздергивает тёмную бровь в ответ на мою прыткость. Выдавать себя за нежную даму уже не имеет смысла, после безумной-то гонки и падения. И надеюсь, с ним я больше никогда не встречусь.

— Чарльз, проводи леди в машину, — командует водителю и вдруг достаёт из внутреннего кармана жилета белоснежный платок, протягивает мне. — Возьмите, он чистый.

— Спасибо, — принимаю и, отворачиваясь, жутко краснею.

Как только оказываюсь в салоне на заднем сиденье, смотрю в зеркало.

“Бог мой, на кого я похожа! На какую-то пастушку, заблудившуюся в лесу”.

Начинаю стирать со щеки не пойми откуда взявшиеся остатки следов от земли, сгорая от стыда. Наверное, он точно подумал, что я какая-то незнатная леди, решившая пробраться во дворец окольным путём.

“А не всё ли тебе равно, Вишен?”

Брюнет присоединяется и садится на переднее место. На нём уже чёрный пиджак. Водитель заводит двигатель и молча давит на газ. Лакей и жеребец остаются на дороге. И пёс, который ринулся за машиной стрелой, громко лая, так что даже в салоне слышно.

Я усмехаюсь. Надо же, какой преданный.

— Вайт, — рыкнул мужчина. — Что с тобой, дружище? Уймись.

И словно по команде ротвейлер замирает, наострив острые, похожие на наконечники стрел уши.

— У вас преданный питомец, — произношу я после некоторого молчания.

— Он обычно послушный. И, видимо, снова бежал за... вами.

Вот как... Больше я не стала ничего говорить, машинально касаясь кокетливо локона волос и тут же одёргиваю руку, гордо расправив плечи.

Добираемся до городских улиц за десять минут, гораздо быстрее, чем на экипаже. Брюнет выходит из машины и галантно открывает мне дверцу. Я выхожу и сразу начинаю оглядываться в поисках свободного экипажа.

— Идёмте, леди, — пропускает вперёд, ко входу.

— Аааа, — начинаю было я, оглядев своего провожатого, сомневаясь в том, что это правильно. А почему бы и нет! Я теперь свободна и только начинаю наслаждаться жизнью. Настолько, насколько, разумеется, сейчас могу.

Позволяю себя вести мужчине. Кафе, по моим впечатлениям, довольно видное и внутри отделано просто шикарно. Это точно кафе, а не какой-нибудь ресторан? Резные деревянные столики и стулья мягких кофейных оттенков приятно удивляют. У этого незнакомца определённо есть вкус. Моему мужу, сколько помню, было плевать на эстетику.

Мы занимаем место, и к нам тут же подходит лакей.

— Добрый вечер, — приветствует, кланяясь мужчине, а потом мне. — Что желаете?

Брюнет смотрит на меня, уступая заказывать первой.

— Чашечку горячего какао, — говорю и, видя удивлённый взгляд мужчины, добавляю: И... малиновый бисквит. Это всё.

Брюнет усмехается, и неожиданно на его щеке появляется привлекательная ямочка. Надо же.

— Мне как обычно — чашку чёрного чая.

— Хорошо, господин.

Понимаю, что мистер элегантность здесь бывает довольно часто, чем ещё больше вызывает интерес к своей персоне. Станный интерес.

Лакей уходит, а я втягиваю в себя воздух.

“Вишен, что ты делаешь? Твой муж умер всего месяц назад, а ты прогуливаешься с незнакомыми мужчинами?”

Желание убежать было самым благоразумным. Но уже поздно. Там, на лугу, это просто был стресс, а сейчас он сходил, и всё казалось нелепым. Но разве мне предложили что-то неподобающее? Нет. Мужчина решил извиниться за поведение своей собаки, так что же я так нервничаю?

— Вы можете не стесняться и заказать что-то ещё, — предлагает брюнет, нарушая затянувшееся молчание.

В отличие от меня, он спокоен, как спящий вулкан, а я ерзаю будто на раскалённой сковороде. Расслабься уже, Вишен, выпей какао и распрощайся. Ничего особенного.

— Я приношу ещё раз свои извинения за Вайта...

— Да, ваш пёс довольно импульсивный. Ничего страшного, всего пара царапин, — отвечаю я, стараясь не задерживать на нём долгого взгляда, который, как назло, не прочь задержаться. Куда подевалось всё моё возмущение? И что за нотки смущения в моём голосе?

— Царапин? — переспрашивает и опускает взгляд на моё декольте, ища ту самую пресловутую царапину, а меня бросает в жар.

— Дайте посмотреть, — тянет руку.

— Что? Нет, — кладу ладонь на свою грудь, прикрываясь.

— Ваша ладонь, дайте посмотреть, — берёт мою кисть, а не то, о чём я было подумала.

Я замираю, когда он разворачивает ладонь, касаясь моей кожи своими горячими пальцами, отчего внутри живота всё замирает. Обескураженно моргаю, пока брюнет занят рассмотрением моих ран.

— Я же говорю, ничего серьёзного, — ненавязчиво высвобождаю руку, в то время как сердце начинает биться быстрее.

А мужчина продолжает пристально смотреть на меня. Вернувшийся лакей прерывает зрительный контакт.

— Приятного вечера, — кланяется он и уходит.

— Вы врач? — спрашиваю я, берясь за фарфоровую чашку, прогоняя странные неоднозначные чувства, которые вспыхнули так некстати.

Мужчина берёт свою чашку с позолоченной ручкой.

— Нет. Я — следователь.

Едва не поперхнувшись, обжигаю губы слишком резким глотком. Действительно следователь? Не могу поверить!

— Правда?!

— Да, — спокойно отвечает. — А что? — он суживает чёрные глаза. — У вас есть какие-то вопросы? — совершенно точно считывает мои мысли. — Задавайте, я отвечу.

Я тут же собираюсь с мыслями.

— Дело в том... Мой муж... умер месяц назад, — начинаю я слишком скомканно, но как иначе?

— И... что с ним случилось? — задаёт наводящие вопросы, помогая мне.

— Он попал в автомобильную катастрофу и скончался на месте, — коротко пересказала минувший кошмар.

Брюнет внимательно слушает, на миг задумывается, обводя меня своим гипнотизирующим взглядом.

— И в чём же вопрос?

— Мне кажется, — начала я, уже проговаривая это не в первый раз.

Нет, не так, я зажмуриваюсь, вцепившись в горячую чашку.

— Я думаю, что он... жив, — говорю на одном дыхании.

Пауза.

— Вы обращались в полицию?

— Разумеется, но они требуют доказательств. Я уже подумываю нанять частного агента, но пока, после похорон, не могу себе этого позволить, к тому же вся эта волокита с документами обходится мне очень дорого, — признаюсь я честно, запоздало осознавая, что слишком открыто себя веду.

Мужчина опускает взгляд и смотрит перед собой, слегка задумчиво хмурится, это я замечаю, когда на его лбу появляется тонкая нить складки. Он делает глоток чая, потом ещё один. А затем ставит опустевшую чашку на блюдце и складывает руки на своей груди.

— Я понимаю вас. Вы женщина, остались одна. Вы напуганы и... — втягивает воздух через губы. — Я бы мог взяться за ваше дело. Но мой огромный опыт говорит, что обычно, когда женщина теряет мужчину, у неё появляется склонность к тревожности, и в большинстве случаев подобные домыслы — это ничто иное, как всего лишь стечение обстоятельств. Более того... — он замолкает на секунду и пронизывает невыносимо пронизательным взглядом. — Более того, вам морально тяжело, вы можете чувствовать вину, но это из-за того, что вы не хотите смириться с потерей.

— Да, — отвечаю немного заторможенно. — Я об этом не думала, — берусь за ручку и делаю глоток, допивая весьма вкусный какао.

Мы молча допивает напитки, я лишь поглядываю, как он делает глотки и как его кадык скользит по горлу. Все мысли куда-то растерялись. Но брюнет вдруг о чём-то вспоминает и смотрит на свои наручные часы дорогой марки.

— Что ж, мне пора, ещё раз извините, — он подзывает лакея.

— Леди ещё одну чашку какао, — кладёт несколько купюр, намного больше, чем необходимо.

— Мой водитель доставит вас до дома. Всего доброго, мисс, — он поднимается, а в следующую секунду я оказываюсь за столом одна.

Я молчу несколько секунд, осмысливая услышанное, чувствуя, как внутри разливается очередное разочарование, хотя, надо признать, подобного подробного ответа мне никто не давал. И не вводил в такое онемение! Он, видимо, думает, что я убита горем от потери, и более того, моя прогулка по лугу в одиночестве — подтверждение этому. Чудесно. Прикрываю веки и откидываюсь на спинку стула. Смотрю в окно.

Ну что ж, зато хорошая была попытка. Беру принесенный какао и с наслаждением делаю глоток, погружаясь в раздумья. Впрочем, думать получалось только об этом брюнете. Надо же, состоятельный следователь на прогулке верхом на жеребце. На коже вновь ощутила прикосновение мужских пальцев, и тут же побежали мурашки, а магия в животе беспокойно колыхнулась.

Глупости это всё, нужно выкинуть из головы. Допиваю какао и покидаю заведение.

Меня доставляют прямо до ворот усадьбы Лонрэйт. Этот двухэтажный дом с двумя широкими балконами навевал тяжелые мысли, связанные с моим мужем. Я всё ещё не привыкну, что могу расслабленно войти в дом и никто не будет донимать допросами и обвинять в измене каждый раз, когда я куда-то отлучилась, да ещё и заводить скандалы.

Меня встретила моя служанка Пэкк. Молодая девушка, похожая на серую мышку, бледное личико, бледного каштанового оттенка волосы с прямым пробором, собранные в узел сзади, и белый чепчик. Она служит нашему дому столько же, сколько я живу тут после замужества. И всегда добросовестно выполняла свою работу, правда, Камрон всё время норовил на неё прикрикнуть и сорваться, потому Пэкк была немного напуганной. Как бы я ни пыталась с Камрона уговаривать быть мягче, он не слушал, и Пэкк приходилось терпеть.

Прохожу в полумрак зала и зажигаю магией свет.

— Госпожа, разрешите накрыть на стол ужин? — спрашивает девушка.

— Нет, Пэкк, спасибо. Утром отдай моё платье в химчистку, — говорю я, скидывая туфли, и ступаю на ковёр, блаженно прикрыв веки.

— Хорошо, мисс.

— Никто не приходил, не звонил телефон? — интересуюсь я.

— Никого не было, правда, телефон звонил, один раз...

Я настораживаюсь, может, это звонила мама? Хорошо бы.

— Можешь идти отдыхать, — отпускаю её.

Девушка кланяется и уходит.

Хочу побыть в одиночестве, не могу им насладиться последнее время. И, кажется, теперь мне никогда не утолить эту жажду.

“Да, Вишен, оказывается, какая ты была несчастная, — жалею себя. — Но теперь у нас будет всё хорошо, главное, чтобы я действительно, как сказал господин следователь, ошибалась в своих опасениях”.

Хотелось бы в это верить. Отдохнув немного, отправляюсь в ванную. Скидываю тяжёлое платье и вынимаю шпильки из волос. Пряди прохладными потоками ложатся на спину, чуть встряхнув ими, включаю кран.

— А ведь я даже имени его не узнала, — обнаруживаю вдруг. — Надо же, как странно, ощущение, будто знаю его уже очень давно.

Но теперь забуду, вряд ли мы когда-нибудь пересечемся ещё.

Набрав полную ванну, погружаюсь в воду, блаженно прикрываю глаза. Но стоит это сделать, как появляется этот следователь, его тёмные глаза и мужественные черты лица с загорелыми высокими скулами. Камрон был старше меня и имел заурядную внешность, ничего примечательного, средний рост, светлые волосы, зеленоватые глаза. Да и, признаться, меня он мало интересовал, никогда не присматривалась к нему, чтобы найти какую-то привлекательность. Наш брак был пустым, между нами не было никаких чувств, я выполняла свои обязательства. А этого брюнета знаю едва ли час, а думаю о нём больше, чем о Камроне за эти три года.

— Нет, — легонько бью по воде ладонью, — хватит с меня этих мужчин, — тянусь к ароматным маслам.

Глава 3

Рэн Сармант

— Вайт, ты наказан. Как ты мог так поступить с леди, где твоё воспитание? — треплю уши псу.

Я вернулся к Лидлеру сразу же, как извинился перед леди. Имени которой я не знаю. Впервые за всё время я забываю узнать, с кем имею дело. Что-то новое для меня, и не похожее. Перед глазами — мягкий овал довольно миловидного лица и эти огромные, серые, как пасмурное небо, глаза, полные испуга и злости одновременно, не менее завораживающие, содрогающиеся в частом дыхании полушария грудей в лифе чёрного платья.

Увидев её на лугу, я подумал, что это очередная поклонница, ищущая встречи со мной, но ошибся. Я, следовательно высшего ранга.

Слишком расслабился за эти два дня. Нужно приходить в норму и возвращаться к делам.

— Сегодня он слишком беспокойный, господин, — прерывает мои мысли Брамс, мой камердинер. — А увидев ту леди, вовсе с повода спустился. Кажется, ему пора подыскивать самку.

— Отведи его в вольер, пусть остынет, — велю Брамсу и возвращаюсь к автомобилю.

Мой водитель давно прибыл. Перебарываю себя, но всё же интересуюсь адресом, куда он её доставил — профессиональная привычка, ничего не поделаешь.

— Фитол-холл, господин Сармант, — отвечает Чарльз.

Вздёргиваю бровь. Фитол-Холл, что-то знакомое, нужно будет глянуть в справочник. Беру кожаные перчатки, закрепленные на седле. Смотрю в сторону дворца. Посещать торжественную часть вечера в мои планы не входило. Я остановился здесь на пару дней только по просьбе Глинвера Этнора, и то лишь по старой дружбе.

Все эти вечера не вызывают у меня сильного интереса, скучно и пресно. Я обещал у него погостить, но не обещал, что буду сопровождать его везде, так что сегодня обойдётся без моего общения.

Возвращаюсь с Брамсом во дворец, направляясь сразу в спальное крыло.

— Рэн! — слышу своё со стороны парадного входа.

Сжимаю кулаки и останавливаюсь.

— Иди без меня, Брамс, — отпускаю слугу и направляюсь к Глинверу.

— С тобой хотят познакомиться, ты же знаешь, не могу врать своим гостям. Так что идём.

— Уверен, получится как и всегда.

— Вот зря ты так, с тобой одна милая леди хочет познакомиться, точнее, её семья.

— Хм... и кто же это?

— На этот раз род Рокснар. А леди зовут Иллин, не чудо ли?

— Не знаю.

— Значит, ты не появишься в зале?

— Как-нибудь в другой раз. У меня другие планы.

— Какой же ты нудный. Пойдём хотя бы пропустим с тобой пару бокалов, ты же не откажешь другу? — широко во все зубы улыбается Глинвер, в этот момент он сильно походит на своего пресловутого, известного на весь Ветенберг отца.

Мы отправились в каминный зал, находящийся на третьем этаже.

Здесь огромное окно, из которого видны луга, залитые туманом. И где-то там я встретил эту незнакомку с пепельными волосами. Вновь думаю о ней.

Лакей приносит нам вино, разливает по бокалам и с низким поклоном уходит. Глинвер подхватывает свой и погружается в широкое кресло возле камина.

— Может, всё-таки передумаешь и порадуешь своим присутствием гостей? — продолжает настаивать.

Беру свой бокал и подхожу к окну, давая своим видом понять, что своего решения не изменю.

— Ты всех знаешь, кто прибыл во дворец? — задаю вопрос после некоторого раздумья.

— Разумеется.

— Я встретил здесь одну леди... имени не удалось узнать... У неё серые глаза и светлые, как белое золото, волосы.

— Пфф, ну знаешь, таких в зале десятки.

Бросаю на него взгляд.

— Понравилась тебе?

— Вайту точно понравилась, — усмехаюсь я, делая глоток. — Она вдова, только недавно потеряла мужа. Живёт в Фитол-Холл.

Глинвер задумывается.

— Вдова... Фитол-Холл. А! Ну конечно! Это же усадьба Лонрэйтов! Граф Камрон Лонрэйт попал в катастрофу. Её имя... дай-ка вспомню, — он хлопает себя по колену. — Точно! Вишен, Вишен Лонрэйт, как раз хотел познакомить тебя с её младшей сестрой, Иллин Рокснар.

Я поворачиваюсь к Глинверу, он суживает глаза в хитром прищуре.

— Я её сегодня не встречал. Она прибыла в Лидлер? Неожиданно, я бы хотел её поприветствовать. Вишен красotka, согласен, и, думаю, надолго одна не останется. Ею много кто интересуется, между прочим, я бы тоже не прочь с ней познакомиться поближе, — с вызовом вскидывает бровь.

Я оставил её в кафе и не собирался продолжать знакомство, но Глинвер задел, даже разозлил проявлением интереса к вдове. Для Глинвера не существует долгих серьёзных отношений. Ведущий легкомысленный образ жизни, ищущий веселий, одним словом — столичный бабник, который отношениям предпочитает необременительность и свободу.

И теперь он собирается с замужней, хоть и бывшей замужней, познакомиться поближе. Странно, раньше меня это никак не задевало, к тому же это была его жизнь, и его дело, как он её прозябает.

Глинвер склоняет голову набок и смотрит на меня пристально, чему-то усмехаясь.

— Я первым её встретил, — заявляю я, не собираясь уступать.

— И как же собираешься её заинтересовать? Насколько я наслышан, Вишен немного холодна и замкнута, и растопить её сердце не так легко, тем более после гибели мужа, которого она, судя по слухам, не любила, ведь отец отдал её замуж из-за своей выгоды. Поэтому для этого нужен опытный в сердечных делах мужчина, а это явно не ты.

— Я разговаривал с ней, и она мне не показалась такой... замкнутой.

— Рэн, ты с ней разговаривал, дай угадаю, пару минут? Это ничего не значит, к тому же ты даже и не узнал её имени. Поверь мне, она тебя вычеркнула сразу из своей головы, твой шанс упущен, — продолжает издеваться друг. — И да, почему не поинтересовался? Это на тебя не похоже. Ха, да я готов поспорить, у тебя ничего не выйдет! Нет, даже спорить не стану, я точно знаю. А вот её младшая сестра вполне тебе подходит

— Я не собираюсь с тобой спорить, — торможу друга. — Её младшая сестра меня не интересует.

— И всё же, если проиграешь, подаришь мне Вихря.

— Тебе его не видать как своих ушей, — отрезаю я.

— Посмотрим, — довольно усмехается, расценивая мои слова по-своему.

Делаю большой глоток и решаю перевести тему разговора.

— Что насчёт магических воздействий?

— Поступают к Ветенберу, — отвечает друг, с лёгкостью переключаясь на другое.

— Плохая новость. Причина так и не выяснена?

Глинвер, как и я, обладал воздушной магией, но дороги у нас после обучения в академии разошлись, мой прагматичный ум желал более существенных результатов, поимки преступников и запутанных расследований, нежели наводить порядки в магических потоках и науках, чем, собственно, и занимался мой друг.

— Причина в перекосе магических сил.

— И как же это остановить?

— Мы решаем этот вопрос...

— Хорошо.

Я вновь вспоминаю леди, её магию, насколько я ощутил, она обладала целебной магией, магией земли. Редкое явление в Ветенбере. Но об этом я даже не собираюсь разговаривать с Глинвером, не хватало, чтобы и на её магию он положил свои жадные похотливые лапищи.

Домой я возвращаюсь под утро, едва только бледный рассвет брызнул из-за горизонта серебристой дымкой. Брамс ждал моего возвращения вместе с Вайтом. Пёс поостыл и спокойно встретил меня.

— Приготовь мне костюм, — велю своему слуге.

За эту ночь я всё обдумал: наведаюсь в Фитол-Холл прямо утром. Не могу допустить, чтобы Глинвер меня в чём-то опередил. Хотя он здесь не при чём, блондинка не собиралась выходить из моей головы, и интерес только набирал обороты.

Обнаруженная на лугу в одиночестве знатная леди, которая не постеснялась обратиться ко мне за помощью, теперь вызывала не что иное, как любопытство и желание продолжить знакомство. Ещё эти глаза... Почему я подумал, что она и впрямь страдает по мужу? А что, если ей действительно нужна помощь, и её опасения небезосновательны?

Выпиваю утреннюю чашку кофе и покидаю усадьбу.

Вишен Лонрэйт

Поутру я велела Пэкк вынести чай в беседку. Хотелось на свежий воздух, он развеет мысли о будущем, которые уже с утра начали меня донимать. К тому же за окном было солнечно, и стояла довольно тёплая погода, как раз такая какая и должна быть ранней осенью.

Выхожу на террасу, вдыхая аромат поздних роз. Они должны были отцвести гораздо раньше, но по утрам я балую их своей магией, и они продолжают радовать меня своим пышным белым цветением каждый день.

Расположившись в плетёном кресле, я несколько минут любуюсь глубокими синим небом и мягкими золотистыми лучами, что проникают под крышу беседки, лаская кожу.

Пэкк вернулась с чаем быстро. Укутавшись теплее в шаль, обхватила ладонями горячую чашку с золотистой заваркой на дне. Потрясающий липовый аромат приносит блаженное удовольствие.

Другая леди на моём месте наверняка была бы убита горем, а я позволяю себе радоваться таким простым вещам. Если бы я любила Камрона, то, возможно, это было бы трагедией всей моей жизни. Но любви нет, и я не знаю, каково это — любить. Даже толики тёплых чувств не испытывала к нему. Когда он был дома, мы жили как соседи и спали по разным комнатам, за исключением тех случаев, когда он требовал от меня супружеский долг. Но это в прошлом. И я не желаю об этом больше вспоминать.

— Госпожа, — Пэкк появляется на пороге беседки неожиданно.

— Боже, Пэкк, зачем так пугать? — ставлю чашку на блюде с нежным цветочным орнаментом.

— Простите, госпожа, но к вам... гость, — оповещает меня, пылая смущением.

Я замираю, вцепившись в плетённые ручки кресла.

— Гость? В такую рань, кто же именно?

— Он представился как господин следователь, — продолжает краснеть девушка.
Я поджимаю губы, сердце сильными ударами волнуется в груди.

Следователь в моей усадьбе? Но как он... хотя ясно как, водитель наверняка доложил адрес моего места проживания. Но зачем он приехал?

— Хорошо, Пэкк, пригласи господина в зал, я сейчас выйду.

Девушка уходит, я не двигаюсь ещё некоторое время, но быстро поднимаюсь, торопливо поправляя свою простую для раннего утра причёску — локоны собраны сзади и подвязаны лентой. Поправляю шаль на плечах, но тут же её сбрасываю с себя и оставляю на кресле. И что я так суечусь, какая мне разница, в каком виде я его встречу в своём же доме! Собираюсь с мыслями и направляюсь в холл.

Да, глаза меня не обманывали: в холле стоял высокий широкоплечий мужчина, ожидая моего появления. Как и в прошлый раз, он одет элегантно, в чёрный костюм, белая рубашка застёгнута до последней пуговицы, тёмные, блестящие, цвета вороного крыла волосы уложены волосок к волоску. Чувствую аромат его сильного парфюма издали. В животе щекошет от мысли, что в моём доме пахнет чужим ароматом, чужим мужчиной.

Сейчас он стоит боком и рассматривает интерьер. Занимательно так рассматривает, что даже не хочется его прерывать. Но всё-таки обозначаю своё появление шуршанием своего лёгкого платья. Даю знак притаившейся в дверях Пэкк оставить нас наедине.

— Доброе утро, господин следователь, — приветствую доброй улыбкой.

Мужчина поворачивается, а я едва удерживаю себя от того, чтобы не поправить прядь волос. От него неудержимо веет представительностью и неким шармом, который, я уверена, чувствует любая женщина. И мне простительно, я никогда не принимала в своём доме таких... гостей.

— Доброе, мисс Вишен Лонрэйт, — окончательно выбивает меня из колеи, приветствуя приятным бархатистым тоном, выговаривая моё имя. Которое он потрудился узнать.

— Чем могу вам помочь? — прохожу в холл и останавливаюсь в двух шагах от брюнета, хотя лучше бы этого не делала: этот сногшибательный аромат восточного пиона с примесью древесной коры действует на меня неоднозначно.

— Как раз дела обстоят наоборот — это я приехал к вам, чтобы помочь, — отвечает он спокойно.

Я моргаю, не зная, что и ответить. Мужчина отводит взгляд, сдержанно усмехаясь.

— Я вчера обдумал наш разговор, помните его?

Ещё бы, такое точно не забывается! Но вместо убедительного ответа я не совсем тактично киваю.

— Хорошо. Так вот, мисс, я готов завести дело, относящееся к гибели вашего мужа, и тщательнее расследовать его. Если вы, конечно, ещё не раздумали.

— Я... мне... Нет, не раздумала, господин следователь, — сглатывая подступивший ком, тороплюсь ответить.

— Хорошо, — улыбается. И снова эта ямочка на гладко выбритой щеке.

— Может, чашечку чая? — предлагаю я, не зная, как ещё взять себя в руки.

— В другой раз, леди Лонрэйт, у меня важные дела на сегодня. Я вам сейчас оставляю свой адрес, куда вы можете прийти, как только будете готовы. Куда я могу вам записать адрес?

Я моргаю, потом ещё раз моргаю.

— Да, да, конечно, вот сюда, прошу, — приближаюсь и указываю к трюмо, где лежат записной блокнот и перо.

Мужчина ориентируется быстро, подходит к высокому трюмо и берет серебристое перо, начинает писать. Уверенно, твёрдо, расслабленно.

— Пожалуйста, ещё раз извините за беспокойство, что так внезапно.

Я улыбаюсь, потому что не могу справиться с удивлением и смущением.

— Благодарю, господин следователь. Пэкк! — подзываю я служанку, которая появляется тут же в дверях. — Проводи, пожалуйста, господина.

— Не нужно, я уже знаю дорогу, — вежливо отказывается гость. — И да... — вдруг останавливается он и засовывает руку во внутренний карман пиджака. — Вайт нашёл на лугу, — протягивает мне мои же чёрные кружевные перчатки.

— Как ваше имя, господин следователь? — задаю важный вопрос, поднимая на мужчину взгляд.

Брюнет смотрит на меня несколько секунд.

— Рэн Сармант, мисс.

Я изумлённо раскрываю губы, но реагирую запоздало, настолько, что мужчина, не дожидаясь моего ответа, кладёт перчатки на трюмо и направляется к выходу.

— До встречи, мисс...

— Спасибо... господин Сармант, — говорю уже в пустоту, видя из окна, как он спускается по лестнице и устремляется к воротам.

Глава 4

Шевелюсь и медленно подхожу к трюмо. Беру блокнот.

Красивым ровным почерком написан адрес.

Значит, Рэн Сармант...

Прикусываю нижнюю губу. Это же тот лорд, о котором говорила мне Иллин, верно? Выходит, пока она ждала его во дворце, он и не намеревался посетить гостей, развлекаясь с псом. Интересное дело. Своенравный у него характер, и довольно самонадеянный. Только вот, видимо, сестре это и понравилось в нём.

Как бы то ни было, а всё складывается плохо. Не хочу, чтобы вышло так, что я стала виновницей её неудачи. Я не знаю, почему господин следователь вдруг передумал, но продолжать пусть даже и деловые отношения лучше не следует. Ради своей сестры, которая не дай бог узнает о нашем знакомстве на том лугу. Терять сестру мне не хочется, а она ведь точно обидится.

Кладу блокнот обратно на трюмо, несколько секунд думаю, а потом хватаю его и выдёргиваю страницу, сминаю в комок.

Неожиданный звонок телефона вынуждает меня вздрогнуть всем телом. По спине проносится холодок.

— Пэкк, — зову служанку. — Возьми трубку, — прошу.

Девушка робко подходит к телефону и поднимает трубку.

— Да, — отвечает и слушает, нервно сглатывает. — Доброе утро, господин. Секундочку.

— Это господин Эрол Рокснар, просит вас, госпожа.

Я облегчённо выдыхаю, но следом же напрягаюсь. Отец редко звонит, и сейчас повод насторожиться. Убереги пресвятая, только бы он ничего не узнал о моём появлении в Лидлер. Хотя на что надеюсь? Я там как белая ворона была.

— Да, папа, — сжимаю трубку.

— Жду тебя на завтрак. Есть разговор, — произносит до дрожи строгим голосом.

— Хор...ошо... папа, — говорю уже коротким гудкам.

Кладу трубку.

— Пэкк...

— Да, госпожа, — с боязнью отзывается девушка, потому что моего отца боятся все. Даже я.

— Приготовь повседневное платье.

И, конечно же, траурное.

— Хорошо, госпожа, — присаживается коротко и уходит.

Всю дорогу молюсь, чтобы отец не узнал, что я посещала Лидлер, ну или хотя бы был в хорошем расположении духа, что исключено. Раз он сам позвонил... И этот жёсткий тон и прерванный на полуслове звонок...

Выбрала поездку на экипаже — нужно время, чтобы настроиться. По дороге придумывала различные отговорки о том, почему я оказалась во дворце. Но все они, мягко говоря, не слишком убедительны. Эрола Рокснара не так легко обдурить. Да и, признаться, не могу я обманывать, придётся, как и всегда, с честью отстаивать свои решения.

Ох, как же это непросто!

Пока добиралась, искусала все губы. И даже эти целых полчаса с лишним не помогли, меня пробрало волнение и да — страх. Хотя мне всегда казалось, что я довольно отважна. Видимо, нет.

Восточная часть усадьбы погружена в виноградники, листья уже побурели и давали потрясающие бордовые оттенки. Широкий двор с клумбами цветов и небольшими фонтанами навевал спокойствие, особенно в этот период времени.

Вобрав больше воздуха в грудь, я поднялась по лестнице и вошла в распахнутые лакеем двери.

Как и обычно, отец ожидал меня в своём кабинете, смежным с семейной библиотекой. Он сидел в кресле с распахнутой свежей газетой и даже не пошевелился, когда я вошла. Зато мама, Мериан Рокснар, что тоже ждала моего появления, встрепенулась, торопливо поднялась.

— Вишен, дорогая, — шагает в мою сторону.

— Ты уверена, что дорогая? — строго обрывает её Эрол и бросает на меня сердитый взгляд.

Я сглатываю сухость во рту.

— Папа...

Эрол медленно складывает газету и так же медленно поднимается со своего места, проходит ко мне, но останавливается чуть поодаль, сохраняя дистанцию. Я догадываюсь, почему так делал, в случае порыва не поднять руку, что бывало у него.

Я смотрю прямо на его седину и серые глаза, его черты. Всегда удивлялась, почему я похожа больше на него, чем на маму, характеры у нас точно разные.

— Как это понимать?

— Что именно, папа?

— Не притворяйся бедной овечкой и не делай из меня дурака! — рывкает он так громко, что мы с мамой вздрагиваем, она бросает на меня жалобный взгляд. — Ты вчера посещала Лидлер, наплевав на правила. У тебя траур, ты должна ещё два месяца сидеть дома и никуда не показываться! Совсем стыд потеряла, ты нанесла сильное оскорбление госпоже Арнэт Лонр-эйт!

Ах, вот оно что?! Хмм, я и не подумала даже, что она пожалуется на меня отцу, а следовало бы.

— Если я должна соблюдать, то почему... — смотрю в пылающие яростью глаза отца, который сжимает челюсти и явно был готов сорваться, но меня это не останавливает, меня вообще редко когда это останавливало, и я не собираюсь поступать иначе, я и так пожертвовала собой ради нашей семьи, дав согласие на брак с человеком, которого не люблю. — Почему она посещает столь зланные места, пренебрегая трауром?!

Тишина, что повисла в воздухе, зазвенела в ушах.

— Вишен... — охнула мама, понимая, что мне конец.

Челюсти Эрона сжались до скрежета зубов, как и кулаки. Ну что он мне сделает, ударит? Пусть бьёт — переживу, зато внутри я не буду себя корить, что вновь промолчала, когда мне причиняют боль.

— Вот! — рывкает отец и тычет в меня пальцем, ругаясь на маму. — Посмотри, кого мы воспитали!

Я выдыхаю, ресницы вздрагивают, а внутри делается так гадко, что хочется убежать. Уж лучше бы ударил, чем вот так.

— Да, папа, я действительно никчемная дочь! Если ты хотел сказать это, то я тебя поняла, а сейчас извини, мне пора, — выдыхаю я, надрывно дыша, чувствуя, как подступают горячие слёзы. Так неожиданно. Не хочу, чтобы их кто-то видел. Но мне вдруг сделалось так больно обидно, что не могу сдержаться.

— А ну стой! — рычит отец.

— Вишен! — зовет мама.

Вылетаю из кабинета и бегу. По пути я сталкиваюсь с сестрой.

— Ты здесь? Что случилось? — пытается задержать.

— Потом, Иллин, — отвечаю я и продолжаю путь, приподняв подол платья, спешу покинуть усадьбу.

Не хочу больше оставаться в этом доме ни на секунду.

— Ты должна извиниться перед госпожой Лонрэйт, и немедленно! — кричит отец мне вслед. — Слышишь, немедленно, или сюда ты больше ногой не ступишь!

Сажусь в первый свободный экипаж и еду обратно домой. Украдкой смахиваю со щеки слезу.

Нужно было отказаться сразу от визита, а я всё строю из себя примерную дочь. Хватит. Взрослая уже. И могу позволить себе никуда не ехать, если у меня нет желания разговаривать с ним и терпеть командный тон. Только всё усугубило, нужно было дожидаться, пока его гнев стихнет.

Плакать и жалеть себя я всё-таки не стала, хоть и очень хотелось. Подумав ещё немного, велела кучеру ехать к Ресторну — пригороду столицы. Одной, конечно, нехорошо, хотя бы Пэкк за компанию можно было взять, но это займёт время, да и экипаж уже повернул в сторону пригорода.

В выборе своём я не ошиблась. Зелёные холмы и свежий ветер расслабили. Жаль, что я не взяла шляпку — репейный пух летел с вершин и путался в волосах, но не беда.

Полдня я гуляла по извилистым тропам, забрела на свою любимую старую мельницу с поросшими диким плющом каменными стенами и домиком с черепичной красной крышей, поднялась по мосту и стояла, долго смотря вдаль.

Осенью солнце всегда немного ниже над холмами и не так печёт, тёплые лучи ласково касаются кожи лица и рук.

Шторм в груди утих, и теперь внутри гладь безбрежного озера. Хорошо. Теперь можно возвращаться и домой. Но только я хочу сойти с моста, как взгляд цепляется за серое пятно на дальнем холме. Теперь, когда тень сошла с этой стороны, я это отчётливо вижу. Будто трава вся высохла, как от беспощадного солнца.

— Добрый день, мисс Лонрэйт, — хозяин мельницы появился незаметно, я так была увлечена мыслями, что не слышала, как он подъехал на своей гнедой.

— Добрый, Вернер, — поздоровалась я с высоким, немного худощавым мужчиной пятидесяти лет.

— Хорошая сегодня погода, и вы прекрасно выглядите.

— Спасибо, — не могла не улыбнуться я. — Скажи, Вернер, а что это там? — указываю в сторону холма.

Мужчина поворачивается, щурит глаза.

— Я только вчера это заметил... Ходят слухи, что издержки погоды, но засухи в этом году не было, — пожимает мужчина плечами.

Желание добраться туда вспыхивает сразу, но слишком далеко, да и вечер приближается.

— Ясно, — отвечаю, оставляя эту затею.

— Если узнаю что-то об этом подробнее, сообщу вам, мисс.

— Благодарю, Вернер.

Мы расходимся. Хозяин мельницы отправляется по своим делам во внутренний двор, а я к экипажу. Пэкк наверняка уже ждёт меня с ужином, и я спешу вернуться в усадьбу.

Было неожиданностью встретить в доме Иллин.

— Где ты была, Вишен? Я целый день тебя жду! — встрепенулась сестра, как только я вхожу в двери.

Её лицо бледное, в глазах беспокойство — она всерьёз волновалась.

— Прости, что пришлось долго ждать. Я просто... гуляла. Сейчас я могу себе это позволить, — напоминаю ей с улыбкой о своем ещё недавнем прошлом с Камроном, с которым не могла себе позволить подобной роскоши.

— Вишен, ты бы хотя бы предупреждала, нельзя же так. Я слышала, как вы ругались, но папа мне ничего не желает говорить, а мама... мама плачет и что-то невнятно говорит. Что произошло?

— Ничего нового, Иллин, — прохожу я к дивану и устало падаю на него, вытягивая из-под подола платья ноги. Как же хорошо. — Папа как всегда думает, что я виновата в его проблемах.

— Вишен... — огорчается Иллин.

— Скоро пройдёт, уже прошло.

Иллин приближается и смотрит на меня с высоты своего роста.

— Пожалуйста, не ругайся с ним так. Мне так плохо на сердце, когда вы ссоритесь. Не могу это слушать, — её глаза полны боли, и, кажется, она действительно может заплакать.

Я вздыхаю, понимая, что не могу ей этого обещать. Всё что угодно, но больше с папой я соглашаться и терпеть его нападки не стану. С меня хватит. Хочется сказать, что я больше не появлюсь у родителей, но не хочу ещё больше огорчать Иллин. В конце концов, она не виновата в том, что Эрл несправедлив ко мне.

— Пойдём ужинать. Если честно, я очень проголодалась, — уваливаю от неприятного разговора, бодро поднимаюсь с дивана, беря расстроенную Иллин под руку, и веду в столовую.

Пока мы моем руки, Пэкк подаёт приготовленное блюдо на стол.

— Ну рассказывай, как прошел вечер в Лидлере? — берусь я за приборы.

Иллин как-то тяжело вздыхает.

— Не так, как ожидала, — признаётся честно. — Господин Рэн Сармант так и не появился во дворце...

Я едва не поперхиваюсь кусочком хлеба, который надкусила, опускаю взгляд в свою чашку с ароматным рассольником. Теперь-то я знаю его имя. Рэн Сармант... Как же хочется сказать сестре, что кроме своего пса его больше никто не интересуется. Но воздерживаюсь.

— Может, — начинаю я осторожно, чтобы не слишком быть категоричной, — ... может, тебе стоит посмотреть на кого-нибудь другого? — предлагаю я, зачерпывая горячий бульон ложкой.

— Что ты имеешь в виду?

— Есть и другие мужчины, — произношу и искоса поглядываю на сестру, обжигая губы.

Иллин грустно вздыхает, и я понимаю, что дела плохи, кажется, этот брюнет успел пробраться в её сердце. И не удивлюсь — господин следователь умеет производить впечатление.

— Да но... — сестра опускает взгляд в свою тарелку, — ...я очень хочу с ним познакомиться. Что, если он... моя судьба?

Даже аппетит пропадает от подобных слов. Наивность Иллин ранит даже столь чёрствое, как у меня, сердце.

— Ты же его совсем не знаешь. А вдруг он... бабник или склонен к азартным играм? Или ещё хуже — пристрастен к крепительному? — не сдерживаюсь я. Но вместо обиды и гнева вижу, как лицо сестры начинает сиять, а глаза пылать.

— Я видела его, его глаза, они честные, и в них много благородства... — отвечает она, обрубая все мои подозрения на корню.

Я задумываюсь. Странно, ничего такого, что увидела моя сестра, я не заметила, кроме самонадеянности и уверенности в своей правоте. Хотя... в них было что-то такое, что заставило меня ерзать на стуле в том кафе.

— Как жаль, что тебе... — перебивает мои мысли Иллин, — ...что ты не испытывал этого чувства со своим мужем.

Я хмыкаю. Да уж, жаль, только не мне. Хотелось сказать, что любви нет и те, кто верит в неё, лишь купаются в иллюзии. Всё, что есть, — это долг, расчёт и обязательства. Но вовремя себя сдерживаю. Кто знает, может, Иллин повезёт больше, чем мне. И я на это очень сильно

надеюсь. Хочу для неё счастья, видеть радость в её глазах и эту мечтательную улыбку на губах, постоянно, чтобы у неё было всё хорошо. Она действительно чистая, нежная, ранимая, и пусть будет с тем, кого выбрала. Возможно, Рэн Сармант действительно не знает Иллин и как только познакомится с ней... полюбит.

На этой мысли чувствую, как в груди что-то сжимается и начинает ныть. Странное чувство... и глупое. Я желаю своей сестре любви с тем, кого она выберет. Пусть им будет даже этот господин следователь.

Иллин ночевала у меня. Честно сказать, я думала, отец будет категорически против, но два ласковых слова сестры: «Пожалуйста, папа» — и он позволил. Вот так просто.

Невольно закрадывается досада, но я прогоняю её — пусть хотя бы Иллин будет в его милости.

А я... Я чем-то ему не угодила. И даже не хочу знать ответ.

Утром мы решили с ней пройтись по магазинам. Как же давно я этого не делала. Траур скоро закончится, и появилось желание купить себе что-то нарядное. И вообще, хочу обновить гардероб, чтобы ничто из моих вещей не напоминало о прошлой жизни. За исключением чёрных кружевных перчаток. Интересно, с чего бы? С чего такие мысли?

Как бы мне ни хотелось, позволить себе роскошь пока не могла, много средств уходило на другие нужды. Но, несмотря на это, прекрасное утро принесло целую чашу удовольствия.

— Только не рассказывай папе, что я ездила с тобой, — предупреждаю Иллин, когда она загружает в машину пакеты.

— Разумеется.

Мы помолчали. Какое-то странное неловкое молчание. С чего бы? Иллин ожила первой, попрощавшись, она села в машину на заднее сиденье и уехала. Некоторое время я стояла на тротуаре, смотрела ей вслед.

Вздыхнув, направилась к своему авто. Может, я испытываю чувство вины перед ней, что не рассказала, как познакомилась с господином следователем? И в самом деле, с чего бы мне это скрывать, будто я сделала за её спиной что-то нехорошее? Ведь наша встреча произошла случайно.

Вернувшись домой, приказала Пэкк перенести все покупки в дом. Тишина и умиротворение радовали, как и то, что усадьба находилась на зеленом острове пригорода, среди многочисленных поместий родовитых семей.

Я прошла к трюмо и взяла комок бумаги, вырванный мною же из блокнота. Развернула его и снова прочла адрес. Это не был городской адрес, а конкретное указание места проживания господина следователя.

“Байрен-Холл... Улица Ротернас. Двадцать девять.”

Я хмыкнула уголком губ. С другой стороны, это правильно — позвать меня именно к себе, скрывая мою тайну от лишнего внимания. Но с другой...

— Ничего не “с другой”? Господи, Вишен, о чём ты думаешь, что за мысли?

Хотя жизнь научила меня быть излишне подозрительной.

Свернула лист бумаги и сунула в один из ящиков.

— Госпожа, тут вам почта...

Я испуганно хватаюсь за сердце.

— Пэкк, перестань так незаметно подкрадываться.

— Извините, госпожа, — виновато потупила взгляд девушка.

Забираю у неё эту самую почту и прохожу к дивану, опускаюсь на него, располагаясь удобнее.

— Приготовь чая, пожалуйста, — велю служанке и начинаю перебирать всевозможные конверты.

Спина мгновенно покрывается липким потом, когда на глаза попадает конверт из плотной чёрной бумаги.

Поднимаю взгляд, осматриваюсь: кроме меня, в зале никого. Пэкк уже хлопчет в столовой. Откладываю всю почту на диван и беру в руки этот странный конверт, рассматриваю. Адресата нигде нет. Тогда как он оказался в почтовом ящике?

Сердце начинает с грохотом стучать, нехорошее предчувствие охватывает леденящей угрозой.

Дрожащими пальцами разрываю бумагу и достаю белый, свернутый вдвое лист. И снова на нем ничего. Судорожно разворачиваю. Сердце перестаёт стучать, а дыхание замирает в лёгких льдом, когда я вижу незнакомый почерк.

“Твой покойный муж нам должен крупную сумму. Советую отдать по-хорошему.”

Звон в ушах от напряжения оглушает. Я подскакиваю с дивана и бросаюсь к окнам, выглядываю. Кругом спокойно, ни души. Судорожно сглатываю и покидаю своё место, иду на кухню.

— Кто принёс почту?!

Пэкк испуганно вздрагивает.

— Почтальон с утра, госпожа, — растерянno отвечает, видя моё всполошенное состояние.

— Он всё до последнего конверта принёс? — требую ответа.

— Не могу знать, я не видела, госпожа...

Холодный озноб пробегает по телу. Пэкк, конечно, не виновата, что просмотрела такую мелочь. Это письмо явно кто-то подкинул. Я возвращаюсь в зал, запираю дверь на замок и задвигаю на окнах шторы.

Крупная сумма денег... если это чья-то злая шутка, то она удалась, но если нет, то дела мои плохи.

Камрон, что говорить, был пристрастен к азартным играм и спорам. Он вполне мог оставить после себя долг. Снова читаю записку. Больше ничего, ни единого требования — сколько, кому, за что? Сначала эти звонки с тяжёлым дыханием и молчанием, теперь письма. Когда же это прекратится! Буду ли я жить спокойно?!

Я мечусь по комнате с полчаса, а потом всё же вызываю машину. Вкладываю записку обратно в конверт, бросаю в ридикюль и покидаю дом, погружаясь в салон автомобиля.

— Байрен-Холл. Улица Ротернас двадцать девять, — говорю адрес.

Глава 5

Рэн Сармант

Я старался не думать о ней, но сероглазая блондинка не выходила из головы. Более того, я ждал её в тот же день, как оставил свой адрес, но она так и не приехала, ни в тот день, ни в последующий.

Я действительно её ждал, и это мне не нравилось. Поэтому, взяв Вайта, отправился в денник, навестить Ветра, на которого посмел покуситься это щёголь Глинвер. Хотя я знал, что он всего лишь решил меня немного позлить и знал мои болевые точки.

Ветер мне достался от покойного отца. И я ни за что никому его не отдам, хотя никогда не был пристрастен к животным, только так получилось, что я несу ответственность сразу за двух питомцев: Вайта и Ветра.

Всё же я вывел его стойла и сделал пару кругов по угодьям Байрен-Холла. Деревья и луга становились с каждым днём всё желтее. Мне нравилась осень, холодная и неотступная и вместе с тем ласковая и уютная, как объятия матери, которых мне не посчастливилось ощутить, но почему-то знал, что они именно такие.

Да, так вышло, что в семье Сармантов, роду, сохранившем запасы магии, я — приёмный сын. Жена моего приёмного отца бросила его и уехала в соседнюю столицу, оставив его одного, тогда он и принял решение усыновить ребёнка с магией. О своих настоящих родителях мне ничего не известно. Мне повезло, я попал не просто к влиятельному лорду Ветенбера, но и к хорошему человеку. Поэтому у меня никогда не возникало вопросов о моих настоящих родителях и где я родился. Меня устраивало всё, в том числе и статус.

Обогнув холм, поросший небольшим лесом, мы выехали к широкой реке, на пологом берегу которой среди высоких елей притаился охотничий домик. Часть владений Сарматов. Сейчас он пустовал.

Вайт, который следовал за нами, ринулся вперёд и принялся гавкать, распугивая птиц. Я придерживаю поводья, настораживаюсь. В следующий миг среди зарослей показывается и сам зверь. Волк. Он смотрит в мою сторону, Ветер подо мной волнуется и начинает пятиться.

— Тише, приятель, — успокаиваю его.

Серый хищник, сверкнув желтыми глазами, скрывается в чаще, даже не отреагировав на лай ротвейлера.

Ветер успокаивается, как и пёс. Хмыкаю и поднимаю взгляд, осматривая верхушки деревьев. В этих местах когда-то кипела жизнь, трудилось много работников, паслись лошади, а сейчас всё зарастает и превращается в дикие чащобы.

Развернув коня, направляю его обратно к деннику. Нужно возвращаться и сделать пару важных звонков.

Брамс, что ожидал моего приезда, подходит сразу, как только я появляюсь в усадьбе.

— Господин, к вам пожаловала та леди, Лонрэйт.

Я смотрю в сторону парадного входа, и внутри взрывается странное чувство ликования. Будто я действительно только этого и ждал.

— Давно она здесь?

— Давно, уже около двух часов... Я предупредил, что вы, возможно, вернётесь к ночи, но она настояла на ожидании...

Хмм, странное поведение, то настолько оттягивает визит, то ждёт так долго. Велю Брамсу приготовить чай и отправляюсь в душ, чтобы смыть все запахи. На это уходит десять минут, одевшись в чистое, направляюсь в гостинный зал.

Вишен сидит на диване, скользну взглядом по её фигуре: на ней всё такое же тёмное платье, только кроя немного другого, рукава до локтей, перехваченные завязками, открывают тон-

кие кисти, ворот лифа закрывает полупрозрачная ткань, скрывая полушария, но заставляя ещё больше разглядывать высокую грудь. Блестящие пепельные локоны уложены в женственную причёску. Вишен Лонрэйт притягивает внимание, как сверкающая звезда на вечернем небе, завораживает.

Заметив моё появление, она плавно поднимается, ещё больше приковывая к себе взгляд. Да, она не робкая девица, которая краснеет при любом мужском внимании, и это добавляет ей ещё больше шарма.

— Добрый день, господин следователь, — срывается с её вишнёвых пухлых губ приветствие.

— Добрый, леди. Брамс вас предупреждал, что я вернусь довольно поздно. Или вы вознамерились дожидаться меня всю ночь? — не удерживаюсь от колкости.

Взгляд Лонрэйт тускнеет, на лице искренняя растерянность. Я уже был накален, ожидая её. Проклятье, я ждал её все эти дни и уже думал, что она не воспользуется моим предложением. И теперь мне хотелось, чтобы она ощутила, каково это — ожидать.

— Извините за мою настойчивость, — приподнимает подбородок и смотрит прямо, — но другого выбора у меня, кажется, нет.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга, пока в зал не вбегает Вайт. Пёс, почуяв гостью, подбегает и принимается её радостно обнюхивать.

— Вайт, прекрати, — прогоняю.

— Ваш пёс гораздо гостеприимнее хозяина, — усмехаясь, внезапно произносит и тут же пугается собственных слов.

Она действительно меня боится? Это последнее, чего я бы хотел.

— На место, Вайт! — скомандовал немного резко, но на животное это повлияло, пёс отбежал и лёг рядом с диваном.

В зал вошёл и Брамс с подносом.

— Что ж, тогда располагайтесь, мисс, — указываю на кресла у столика возле окна.

— Благодарю, — Лонрэйт медленно проходит к одному из них, и я следую за ней, бросив на Вайта строгий взгляд.

Брамс удаляется. Вишен провожает его взглядом и поворачивается ко мне.

— Я слушаю, — говорю и беру свою чашку. — Что произошло, леди Лонрейт?

Вишен набирает в грудь больше воздуха и тянется к своему ридикюлю, раскрывает его и молча достаёт конверт из тёмной бумаги.

— Вот, вчера мне подкинули это, — протягивает конверт.

Делаю глоток и беру его, отставив чашку, раскрываю. Читаю короткое послание-угрозу.

— Снова думаете на вашего мужа? — поднимаю на неё взгляд.

Вишен кивает и проводит ладонями по ткани платья, показывая, что она действительно взволнована.

— Это явно чьи-то проделки, — откладываю послание. — Не думаете ли вы, что это может быть кто-то из близких? Решивший подшутить или действительно шантажировать.

— Возможно, господин следователь, — соглашается. — И мне очень хочется... жить спокойно, — краем губ она улыбается, но в этой улыбке скрыты тревога и, возможно, даже страх. — Вы сказали в прошлый раз, когда были в моей усадьбе, что готовы помочь мне, и поэтому я здесь. Мне нужна ваша помощь, господин следователь.

В ответ на её слова Вайт заскулил и опустил на пол голову, жалобно взглянул на меня. И что это значит?

— Как уже сказал, я возьмусь за ваше дело, леди... Лонрэйт, — поднял на неё взгляд. — Но для этого мне нужно, чтобы вы рассказали подробно о своих родственниках. О своих и вашего мужа. Погибшего мужа.

Вишен сглотнула, в серых глазах сверкнула надежда. В груди в ответ разлилось какое-то странное чувство победы. Пожалуй, ради этого я готов был ловить нарушителей безоговорочно. В этой девушке определённо было какое-то неповторимое обаяние, и слова Глинвера тут уже не при чём. Я увидел это в ней сразу, как только встретил на том лугу.

— Готова рассказать прямо сейчас, — Вишен решительно берёт свою чашку и подносит к губам. Завороженно смотрю, как она опускает тёмные изогнутые ресницы и делает маленький глоток.

Тяжелое напряжение мгновенно сковывает всё тело, заставляет туго втянуть в себя воздух и отвлеченно отвести взгляд.

Родственников у Лонрэйт оказалось огромное количество, и начала она со своих родителей. Я слушал со всей сосредоточенностью, на которую был способен, не упуская ни одну деталь. Об отце она говорила напряжённо и прерывисто, а когда дело дошло до родственников мужа, глаза тут же потемнели, а губы с каждым словом сжимались в прямую линию. Отношения, как выяснилось, в семействе Лонрэйтов были натянутые, Вишен недолюбливали и относились, по её словам, с пренебрежением. И, Глинвер прав, — любви между ней и Кармоном Лонрэйтом не было. Мои изначальные впечатления о ней в том кафе впервые оказались ошибочными. И где-то в глубине я был рад этому.

Проклятье, я получал огромное удовольствие лишь от того, что она была сейчас в моём доме, сидела напротив меня в доступной близости. Понимаю, что начинаю думать совсем не о том, о чём следует. К тому же наступали сумерки, и полумрак лишь ещё больше разжигал неуместные побудительные желания.

— Давайте сделаем вот что, — произношу и бросаю взгляд на часы, когда Вишен заканчивает отвечать на мои наводящие вопросы. — Продолжим завтра, если вы не против.

— Конечно нет, — улыбается, через паузу оборачивается и смотрит в окно. — О, как быстро же настал вечер! Пэкк, моя служанка, меня наверняка заждалась! — берётся она за подлокотники чтобы подняться. — Благодарю, господин следователь, что выслушали меня и...

— Мы продолжим завтра, — прерываю её лишь только потому, что её оживление дразнит ещё больше. — Вы не против прогулки в окрестностях Байрон-Холла?

Вишен замирает.

— Прогулки? — переспрашивает.

— Да. Ещё многое нужно обсудить, думаю, комфортнее будет на личной территории. К тому же важно сохранить всё в секрете, а это будет сделать трудно, если явитесь в прокуратуру.

— Да, вы правы...

— Или вас что-то стесняет? — вопросительно приподнимаю бровь.

— Нет, ничего, единственное...

— Что?

— Мне нужно знать, какую сумму вы возьмете за это.

В воздухе повисает молчание. Отставляю чашку и наклоняюсь. Вишен затаивает дыхание, но я наклоняюсь к Вайту, чтобы потрепать его ухо.

— Не думайте об этом, леди Лонрейт, считайте, что это компенсация за проделки моего пса. Всё могло бы обернуться плачевно, если бы вы в погоне пострадали. Кстати, как ваша ладонь?

Вишен, слушая меня до этого с некоторой растерянностью, раскрыла губы и взялась за свою кисть, чуть поглаживая, будто я мог покуситься на неё. Она очень забавная. Очень.

— Всё в порядке... заживает, — роняет она.

Вновь наступает молчание.

— Что ж, благодарю вас, господин Сармант... Мне действительно пора, — поднимается она.

Вайт тут же вскакивает с места следом, но я придерживаю его прыть.

— Я предупрежу водителя, он доставит вас до места. Что касается письма, пусть оно пока останется у меня. Если что-то необычное произойдёт до завтра, звоните мне. Оставлю свой номер, — поднимаюсь с кресла.

Вишен Лонрэйт

Из Байрен-Холла я ехала в некоторой задумчивости. Надо же, как я легко рассказала о себе, хотя о себе говорить не слишком-то любила, да и хвалиться нечем. Но как же легко лились слова!

Мотнула головой. Глупости это всё! Это его работа и только — располагать к себе людей и вытягивать слово за словом, а точнее, ему даже не требовалось ничего делать! Его взгляд будто проникал в мысли и читал их, казалось, он насквозь видит меня.

Такого ещё со мной не было.

Пэкк действительно волновалась, ведь вернулась я, когда уже совсем стемнело. К счастью, ничего подозрительного не происходило в моё отсутствие.

Всю ночь я не спала, всё думала о нашем разговоре с господином следователем. Рэнном Сармантом. С одной стороны, я была рада, что теперь у меня есть опора, да ещё какая! Чувствую себя уверенно, чего давно не было. Но с другой, Иллин влюблена в него. Хотя почему я беспокоюсь по этому поводу? У нас с господином Сармантом исключительно деловые отношения. Для него это способ компенсировать вину, а для меня — шанс разобраться со своей безопасностью.

Меня не должно ничто смущать. Ведь так?

К полуночи поднялся ураган, и кленовые ветви беспокойно били по крыше, заставляя меня укрыться с головой и всё-таки заснуть.

Проснулась ранним утром и вполне чувствовала себя отдохнувшей. Ветер стих, и даже пробивались через облака золотистые лучи солнца, обещая хорошую погоду. А это значит, что наша прогулка не отменяется.

Я собиралась с особым тщанием, приведя в порядок волосы, надев костюм для верховой езды, состоящий из короткого жакета со множеством пуговиц на груди и узких рукавах и женских штанов, на пояс их крепился шлейф дамской длинной юбки. Этот костюм, конечно, имелся в моём гардеробе. Хотя надевала я его давно, лет пять как назад, моя фигура ничуть не изменилась, и костюм сидел безупречно, как и раньше. До замужества я любила ездые прогулки на лошадях и часто с сестрой выбиралась к озёрам Ветенбера, но потом стало не до этого. Кармон запрещал мне любые развлечения, не позволял сделать лишнего шага, тогда как сам гулял налево и направо.

Накатившие воспоминания заставили тяжело вздохнуть.

Прогнав грусть, тронула спадающие на щёки локоны, которые выпустила из причёски, и улыбнулась своему отражению. Покинула спальню.

Спускаясь с лестницы, внезапно подумала, о чём пойдёт беседа на этот раз, где-то в глубине предвкушая не только разговор обо мне, но приятное времяпровождение в такой — перед глазами предстал высокий мужчина с тёмными волосами и пронзительным взглядом, Рэн Сармант, — компрометирующей компании.

— Вишен, не о том думаешь, прекрати! — шикнула самой себе и от этого стало ещё веселее. Как когда-то раньше, я испытывала беззаботность и лёгкость.

Прикусила губы, осмотрела крышу усадьбы и серые тяжелые облака над ней, в которых пролетела стайка птиц. Погрузилась в салон машины.

В Байрен-Холле меня встретил камердинер. Лошадей уже вывели, а точнее, вороного жеребца с белыми носками на копытах, его я узнала сразу. Да и сам хозяин уже находился рядом. Чёрный костюм для езды сидел на мужчине бесподобно, льнул к телу как вторая кожа, подчеркивая литые мышцы плеч, грудь и торс, чёрные брюки облепили сильные бёдра. Госпо-

дин, как я уже смела заметить, обладал весьма красивыми ногами, которыми может обладать мужчина.

— Доброе утро, леди Лонрэйт, — поприветствовал он, как только я приблизилась.

Посмотрела на кобылу, что была, видимо, предназначена для меня. Гнедая, с ухоженной шелковистой белой гривой и хвостом, с блестящей лоснящейся шерстью.

— Красавица, — роняю я и глажу по шее животное.

— Клиона её имя, — сообщает Сармант.

— Клиона, ей идёт, — улыбаюсь я и берусь за луку седла, вспоминая, как раньше это делала, но мужские руки быстро помогают мне освоиться, подсаживая в седло.

Моё лицо мгновенно вспыхивает, но слава Богу, Сармант не смотрит на меня, берёт поводья и заботливо подаёт мне в руки.

— Спасибо.

Пока я принаравливалась к седлу, Сармант поднимается на своего жеребца с такой лёгкость и грацией, что я упускаю тот момент, когда Клиона трогается с места. Охнув, ловлю управление, отвлекаюсь, слыша, как Рэн Сармант усмехается моей неловкости.

— Давно не сидели в седле? — интересуется.

— Около пяти лет...

— Ничего. Через пару метров езды вспомните навыки.

Рэн разворачивает животное, направляясь через двор к задним воротам. Мне приходится поторопиться за ним.

Вскоре позади остались слуга и шикарная усадьба, а впереди, как только мы выехали за ворота, нам открылись живописные просторы. Холмистые луга разбавляли небольшие леса с желтеющими деревьями. На фоне тёмного неба они выглядели невыносимо сочно и пёстро. В городе такого не увидишь.

Сначала мы двигались по протоптанной дороге, проезжая мимо каких-то построек и денника, а потом дорога затерялась в высокой траве. Где-то внизу, среди камыша, поблескивала неширокая река. Волшебное место навевающее спокойствие. Магия, как и везде, плавно раскачивалась в воздухе, спала.

— Как прошла ваша сегодняшняя ночь? — интересуется Сармант, поравнявшись с моей кобылой.

— Ничего необычного не произошло, — пожимаю плечами. И почему его такой интерес заставляет чувствовать себя волнительно? Ведь я понимаю, что это всего формальность.

— Вчера я обдумал наш разговор, — начал Рэн. — И сегодня назначил для вас охрану и слежку. Мои агенты будут рядом с вашим домом, и тогда, когда вы будете отправляться куда-то... Это очень необходимо на первое время.

— Я понимаю, — тут же отзываюсь, соглашаясь на подобные условия, против которых я ничего не имею.

— Но вы своим поведением никак не должны это обозначать, продолжайте жить, как и жили раньше, и не оглядывайтесь по сторонам.

— Я поняла, господин следователь.

— И вот ещё что... — добавляет он, вдруг приостанавливая своего жеребца.

Я делаю то же самое и внимательно смотрю на него, готовая услышать всё что угодно, лишь бы меня перестали шантажировать и преследовать.

— Нам придётся... — он взглянул на меня: — Дать понять, что между нами... есть чувства.

— Что? — непонимающе моргнула, сжимая сильнее грубые поводья.

— Сейчас объясню, для чего это. Сначала послушайте, а потом... задавайте вопросы.

Я сглатываю и заставляю себя кивнуть, хоть услышанное повергает меня в некоторое недоумение. Я была готова к чему угодно, но не к подобному предложению... нет.

— Хорошо, — сглатываю я, видя, как Рэн напряжённо выдыхает.

— Наши встречи невозможно будет как-то замаскировать. Если на вас действительно идёт охота, то недоброжелатели следят за каждым вашим шагом. Если они узнают, что я веду ваше дело, их это может спугнуть, а банальная маскировка лёгкими отношениями будет выглядеть естественно. И не будет препятствовать нашим дальнейшим встречам. Понимаете, о чём я, леди Лонрэйт?

Я делаю глубокий вдох, замечая, что не дышала до этого.

Глава 6

— Пойдите, пойдите, — тряхнула головой. — Вы говорите о моих... недоброжелателях? Но, — облизала вмиг пересохшие губы, — что скажут мои родители? Мой отец? Он не будет в восторге от моего поведения, а мать Камрона... задушит меня своими нападками, — выдаю на одном дыхании, осознавая последствия, которые рисовало моё воображение. И тут же себя одергиваю. Зачем ему такие подробности моей жизни? — Боюсь, я не справлюсь с этим, — заканчиваю сухо.

Но самое главное — это Иллин... Нет, нет, нет, я не могу! Не могу так с ней поступить, это причинит ей боль! Она же так мечтает познакомиться с ним! Проклятье, как же это всё не вовремя.

И, конечно, об этом я не скажу ему тоже.

— Нет, это исключено, господин следователь, — твердо отрезаю я.

Рэн Сармант молча и с завидным спокойствием обдумывал мои слова, но следом заговорил:

— Я предполагал, что такое возможно со стороны ваших родителей — осуждение и, возможно, даже обвинение... И здесь вам нужно определиться, леди Лонрэйт. Либо безопасность, либо...

— Моя репутация, — заканчиваю за него. — Нет, господин Сармант, этого я допустить не могу. Пусть у меня нет выбора, но ещё больше испортить отношения я не могу.

И дело даже больше не в моём отце. Я не могу отнять у Иллин возможность построить своё счастливое будущее. Но это мой секрет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.